

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

* * *

И если уж на то пошло,
Окиньте взглядом
Наше прошлое:
Ведь, невзирая ни на что, —
В нём было много и хорошего!
Пусть с горя
Плакали порой
И головой о стену бились, —
Но в праздники
И в выходной
Самозабвенно веселились!
И был сам чёрт
Не страшен нам!
Последнюю краюху хлеба —
И ту делили пополам,
Чтоб только чистым
Было небо!
В те “крепостные” времена
Себя в работе не жалели.
Трудней всего
Была война,
Но и её мы одолели!
Я верю,
Что воспрянет Русь!
Рассудку трезвому внимаю...
А всё ж
Чего-то я боюсь,
Чего-то недопонимаю!..

* * *

Поборов сомнения и страхи,
Потеряв доверие к царям,
Разбрелись народы, как монахи,
По чужим,
Глухим монастырям.
Разбрелись и “вольной” не спросили,
Спрятались в лесах от суеты:
В диких дебрях
Матушки-России
Снова возрождаются скиты.

Мы весь век
Неистово грешили,
Так и не начав разумно жить.
И грехи,
Что миром накопили,
Нам за сотни лет не замолить!
Слышатся былого отголоски,
Медленно оттаивает жизнь...
Где ты, где ты,
Серафим Саровский?
За Россию
С нами помолись!..

БАБКА МАРЬЯ

Одна, без мужа
Вырастила сына.
Как честь свою, сыночка берегла.
И гнулась,
Будто тонкая рябина,
Что к дубу перебраться не могла.

А сын подрос,
Уехал из Кривуши:
Жизнь на селе — не сладкая весьма...
Четвёртый год
Он где-то бьёт баклуши,
Четвёртый год —
Ни одного письма!..

А может быть,
Он безнадежно болен
Или в сырой покоится земле?
А может быть,
Томится сын в неволе
На позабытой Богом Колыме?

В беде не помогает и иконка.
Как холодно в родном дому одной...
Про бабушку Марью
Вспомни, почтальонка,
Не обходи старушку стороной!

г. Иркутск

ВЛАДИМИР СКВОРЦОВ

* * *

А в нашем крае не было войны,
но радость и покой — истреблены.
Стихийных бедствий не было в селе,
но в каждом доме — пусто на столе.

Леса и реки вольные — больны,
и, кажется, они обречены:
повсюду хлам, развалины и страх...
Но не было войны в моих краях.

Да, в нашем крае не было войны,
но стынет кровь от мёртвой тишины,
и вдоль села, куда ни бросишь взгляд,
деревья одичавшие стоят.

* * *

Обещал я родителям, в мир уходя,
что вернусь обязательно в срок.
Я был счастлив упасть хоть слезинкой дождя
на родительский милый порог.

Растворились с годами былые мечты,
ничего я вернуть не могу...
Стал обычным рабом городской суеты,
позабытой иголкой в стогу.

Мне бы ветром лететь в дорогие края,
волны рек поднимать на лету,
облака собирать и дождём октября
на могильную плакать плиту.

СЛЕПОК С ЛАДОНИ ЕСЕНИНА

Ты обнимал берёзку на раздолье,
держал бокалы, руки жал друзей...
Кто знал тогда, что слепок с той ладони
наполнит духом лирики музей!

Твой путь земной, к несчастью, был недолог,
но ты зажёл в сердцах такой огонь,
что век спустя задумчивый филолог
с волнением смотрит на твою ладонь...

СТАЛИН ПРАВ

Дорога “к счастью” новая открыта,
вождей убрали с лозунгом “Вперёд!”...
Оставшись у разбитого корыта,
ворчит и стонет праведный народ.

Не расстреляли лысого Хрущёва,
лукавый смех с лица его содрав,
и породили шельму Горбачёва!
Теперь гадаем:

— Может, Сталин прав?

Народ виновен, сколько он ни кайся!
Молчи, как раб! Смири поганый нрав!
Когда я слышу наглого Чубайса,
приходит мысль:

“А всё же Сталин прав”.

Опять в стране нашествие хазаров...
Россия, встань! И, смертью смерть поправ,
смахни с лица чубайсов и гайдаров
и осознай,

что Сталин всё же прав!

г. Москва

ГЕННАДИЙ ЁМКИН

СНЕГИРИ

Снимите шапку, гражданин!
Н. Рубцов

Утром в парке тихо-тихо,
Свет, снежинки, снегири...
Словно здесь не бродит лихо
По тропинкам до зари.

Всё — одна большая ложь!
Ночью тёмною, без крика,
На скамейке умер бомж —
Гражданин страны великой.

На руке его культяпой
Выпавший не тает снег.
Гражданин! Снимите шляпу —
Умер русский человек.

На скамеечке своей
Он нужды уже не знает,
И душа его летает
Среди красных снегирей.

* * *

Зиновьеву Николаю

Дело сявок — подхватывать вой,
Скалить пасть в непотребной улыбке.
Знаешь, Коля!
Мы встали с тобой
На краю
И без права ошибки!

А за нами остатки страны
Замирают в предчувствии снова:
Перевоет ли вой сатаны
Наше Русское Правое Слово?

* * *

В жестокий век, в глухие времена
Я память сохранил о лучших годах.
Тогда сияло солнце в русских водах!
И слово освящало письмена.

Я жизнь принёс, Отчизна! Не отринь.
Она для тех, кто говорит не всуе,
Она для тех, кто истины взыскует
И не хулит отеческих святынь.

А вот душа.
Её возьмите те,
Кто на краю, потерян и страдает.
Пусть она свечою тонкой тает,
Но светит всем, кто брошен в темноте.

Вот кровь моя.
Возьмите, Времена!
Я кровно перед Родиной в ответе.
Быть может, ей напишут наши дети
Святые на знамёнах имена.

Вот кровь, душа, и жизнь моя, и память.
Возьмите всё! Мне нечего добавить.

* * *

Вчера убили волка егеря.
Не просто так убили, а по праву.
За то, что самый дерзкий из зверья,
За то, что стаду он чинил траву.

Вчера волчица выла от тоски
Не на луну, а на свою потерю.
И тыкались в опавшие соски
Прозревшие едва четыре зверя.

Вчера убили волка егеря,
Но овцы блеют в страхе отчего-то...
И я подумал: зря убили, зря —
Теперь волчица выйдет на охоту.

А от природы суке быть хитрей
Назначено, чтоб выкормить породу.
И нет надежды впредь на егерей,
Когда волчица выйдет на охоту.

Нижегородская область

ВИТАЛИЙ СЕРКОВ

* * *

Поверьте мне, я чист душою...
Н. Рубцов

Я такое сказать о себе и в бреду не смогу...
Отогревшись душой под багряными зорями, каюсь
И за мелкую месть, и за долгую смуту в мозгу,
И неправедным быть до последней черты зарекаюсь.

Ах, как хочется мне отбелить бытия черновик,
Да не зря говорят, что из песни не выкинешь слова!
И несдержан я был оттого, что юлить не привык,
И глаза отводить не пытался от взгляда косого.

Хоть обиды простил я давно и друзьям, и врагам,
И грядущие дни пустотою уже не пугают,
Но бывшие грехи тяжким грузом прилипли к ногам
И в небесную рать записаться меня не пускают.

То ли лодку Харон до сих пор не успел осмолить,
То ли, хуже того, и его обуяла усталость...
Значит, можно грехи, суету одолев, отмолить,
И не важно уже, сколько дней мне на это осталось...

* * *

Мне нынче приснились родимые дали —
Их северный ветер на крыльях принёс.
Я видел: вдоль Сухоны скирды метали,
И ветер курчавил созревший овёс.

Старушка шагала к Оборинским ёлкам,
Как видно, грибная настала пора.
Грибы разглядеть не позволила толком,
Поднявшись над тучей, Святая гора.

Потом сновиденье моё разломилось,
И я потянулся руками к лучу,
Не зная, за что же мне выпала милость,
И я, словно Ангел, над миром лечу.

Так сладко и славно берёзы коснуться
И знак обнаружить забытой поры,
И сесть на поленицу вдруг, и проснуться,
Храня на ладонях шершавость коры.

г. Сочи

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

ГРОЗА

Она меня настигла за рекой.
Тревожно в темноте заржали кони.
В разрядах луг лежал, как на ладони,
С мольбой в глазах и тайною тоской.

Косые струи зрелого дождя
Согнули придорожные деревья,
И молнии, кромсавшие деревню,
Взорвали ночь, почти с ума сводя.

Как всё вокруг ничтожно и мало
Перед таким величием природы!
И этот луг, и кони, и село,
И я, стоящий около подводы.

Оцепенели...

Ну, куда спешу!

Зачем толкаюсь, ближнего не слышу,

Не замечаю нищего, не вижу

Лица того, кому в лицо дышу!

Смотри, душа, молясь и трепеща,

Ведь нам с тобой нужна такая малость...

А молнии хлестали в край плаща,

И под ногами бездна открывалась.

* * *

Дома пусты, и улица пустынна,

Приносит ветер соль солончака,

Над крышей почерневшего овина

Отарой кучерявой облака,

Вскипая по краям, отходят к югу,

Теснятся и, грузнея изнутри,

Роняют дождь...

Всё движется по кругу...

Что, Господи, творишь, то и твори!

Плечи крылом в черёмухах зелёных,

Верши зароды, бей копытом шлях,

Коси хлеба и охраняй влюблённых,

Звездой падучей грохочи в горах.

Детей расти! Сверкающую ленту

Гни в радугу, разрядами сверкай...

Что хочешь делай,

Но планету эту —

Прошу! — из рук своих не выпускай.

г. Санкт-Петербург

АЛЕКСЕЙ АБАКШИН

РУССКИЕ ПЛЯШУТ ВПРИСЯДКУ

Леониду Галкину

Может быть, где-то, не знаю,

В жизни всё славно и гладко.

Только, забыв про удобства,

Русские пляшут вприсядку.

Вдрыг сапоги разбивая,

С посвистом, валко ли, шатко,

В пляске про всё забывая,

Русские пляшут вприсядку.

Стройно кавказец гарцует

В бешеном вихре лезгинки,

Джигу ирландец танцует —

Такт отбивают ботинки.

Где-то в баварской глубинке,
Выпив отменного пива,
Бюргер, в угоду старинке,
Кружит по залу игриво.

Бьются в стойбище чукчи
В трансцендентальном припадке...
Гордо храня равновесье,
Русские пляшут вприсядку.

Есть в этом танце надежда,
Есть в нём мечта и свобода.
Бабочкой кружит над лампой
Горькая радость народа.

И ни при чём тут пол-литра,
И кто кого уважает,
Этим затейливым танцем
Русский себя выражает.

Вот он я весь, нараспашку,
Видишь — люблю и не трушу.
Рвётся на части гармошка
Выплакать русскую душу.

Где-то, наверно, не знаю,
В жизни всё гладко и сладко.
Но сквозь года и метели
Русские пляшут вприсядку.

* * *

Фрукты, коньяк и икра,
Грамм этак триста.
Это такая игра,
Завтрак туриста.

Вся панорама в дыму,
Местность гориста.
Это сюжет на ТВ:
“Смерть террориста”.

Тянется электорат,
Смотрит угрюмо:
Лихо провёл аппарат
Выборы в думу!

Дружно шагает народ
Фронтом единым,
Хватит копать огород —
Стань хунвейбином!

...Только по горло уж сыт
Этим позором,
Медленно перемещусь
Мысленным взором

В край, где бегут по тропе
Дети босые,
Где и покой, и простор.
Там, где Россия

Вдаль провожает века
Сонно и долго.
Чувствуешь, как глубока
Матушка-Волга.

Бьётся о берег волна,
Помня о давнем.
Слышишь малиновый звон
Над Ярославлем?

Грезит туман ноября
Снежной зимою.
Видишь, алеет заря
Над Костромою?

...Осень заплачет с утра,
Солнышком брызнет...
Это уже не игра —
Сценка из жизни.

Московская область

ВЛАДИМИР ЛОРИЯ

* * *

Париж беспечен был в тридцатых:
Мосты в гирляндах и дома,
Лихой Чапаев на плакатах —
Спешат французы в синема.
А на подмостках пляшет клоун
И кеглей валится на бок...
Чужою музыкой окован,
Он в людном зале одинок.
И участи иной достоин
Изгой в изношенном пальто.
Он офицер, он бывший воин,
А ныне — лишь шофёр авто.
Вот гаснут медленные лампы,
Замолк двусмысленный канкан.
И русской бойни страшной залпы
Являет вспыхнувший экран.
И кульминация картины:
В зубах — сигара, в пальцах — трость...
С отвагой редкостной мужчины
Идут в атаку в полный рост.
Вдруг он кричит, вставая грузно,
Он в зал кричит, как на войне:
“Смотрите, господа французы,
Какими были мы в огне!”
Как будто вновь он в бой идущий —
Парижу дерзостный пример —
Шофёр авто, рабочий, грузчик,
А сердцем — русский офицер.

г. Москва

АЛЕКСАНДР ГРИДНЕВ

* * *

Штурмовой батальон уходил на войну.
А зачем и за что? Я не думал об этом...
Через множество лет мне поставят в вину
То, что стал офицер православным поэтом.
И бросало меня на подрыв, на износ...
Я был ранен шутя, и удачно контужен...
Я ответил за всё, но остался вопрос:
“Почему не убит?” Значит, всё-таки нужен...
Но кому и зачем? В нашей доброй стране,
В хороводе судьбы и в быту бесшабашном,
У достойных властей хуже, чем на войне,
И гораздо страшней, чем в бою рукопашном.

г. Липецк

ВЛАДИМИР СОРОКАЖЕРДЬЕВ

ПАРАД

Не ломит стены лютый враг,
И судьбы юные не шатки.
Печатай, молодость, свой шаг
По исторической брусчатке.

Печатай на весь белый свет!
В одну линейку лица слиты,
И никакой в них тайны нет —
Они доступны и открыты.

Не воевали — ну, и что ж!
Булыжник ценит дедов опыт:
Ту пыль с изношенных подошв,
Перешагнувших пол-Европы.

И опыт тот перенимать,
Не сбиться с принятого такта,
И может, главное понять:
Здесь не кончается брусчатка!

* * *

Я не скажу, что жили плохо,
На времена обиды нет,
И та советская эпоха
Ещё сердечно машет вслед.

Кому-то — фронтовое знамя,
Кому-то — выпел трудовой,
А мне — простой платочек мамин,
Как мотылёк над головой.

г. Мурманск

АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ

ЖИЗНЬ ЗАНОВО

У дома покосившегося, ветхого
Сидит старик, на палку опершись,
Закрыв глаза, и думает, наверное,
Что слишком быстро пролетела жизнь.

Колхозы, молодость...
Всё, словно ночи летние,
Всё слишком кратко, слишком второпях.
Что заслужил? Медали юбилейные
Да пачку грамот, что лежат в снях.

А, впрочем, нет!
Бежит с восторгом искренним,
Смеясь счастливо, к деду его внук,
Его спасенье, милость, его истина,
Его кровинка, радость, его друг.

Внук сядет рядом — и, забыв лишения,
Старик сидит с улыбкой во весь рот,
И кажется, что молодость ушедшая
Вот в этом внуке заново живёт.

Что не успел, то внук поправит, выстроит,
Что не сбылось, то сбудется у них,
Когда есть руки, ноги — в силе, быстрые,
Себе и деду, словно на двоих.

Внук убегает.
Снова на завалинке
Старик пытается себя же воскресить,
Он шепчет еле слышно:
— Здравствуй, маленький!
Закрыв глаза. И не о чем просить.

ПОД ПАТЕФОННУЮ ИГЛУ РЕЗЦА

Струилась стружка лентою под ноги —
Две нормы в смену полагалось им.
Победы добиваются не боги —
Подростки, лет тринадцать с небольшим.

Мальчишка, зуб заправивший под кепку,
Стоит на ящике и крутит рукоять,
Надёжен глаз и руки его крепки,
Ведь под бомбёжкой давно погибла мать,

Отец убит на фронте в сорок первом,
Сестра блокаду не пережила...
Гудит станок, и стружка вьётся лентой,
Резец, как патефонная игла,

Ведёт мелодию тревожно и знакомо,
Круги у глаз, но спать ещё не срок.
Мальчишка помнит, что лишился дома,
Он помнит школьный трепетный звонок.

Снарядных гильз сияние теснится,
Струится стружка под ноги и вниз!
Мальчишка помнит все родные лица,
Он видит их в зеркальном блеске гильз.

Ему вдруг чудится, что души этих близких
В снаряды мстящие вселяются сейчас,
И стружка льётся, рассыпая искры,
Металла блеск и блеск бессонных глаз.

Мальчишка вырастет, запомнив всё навечно,
Пусть незатейлив этот маленький рассказ,
Но давит груз той памяти на плечи...
Он помнит всё. Не для себя — для нас.

г. Великие Луки

АНАТОЛИЙ ЛИПИН

ДО СВИДАНИЯ, НАВСЕГДА

31.12.1995

Падал снег осторожно на плечи,
Затихала под снегом Москва.
В новогодний томительный вечер
Я услышал смешные слова:
“До свидания, навсегда!” —
Со слезами, по-детски упрямо
Сын кричал их взволнованной маме
(Уезжает встречать Новый год,
А мальчишку с собой не берёт).

Эта сценка совсем не по теме,
Улыбнуться бы и забыть,
Но не те мы сегодня, не те мы —
Пропитала политика быт.
Нестерпимая острая грусть
Ожила, словно старая рана:
Вот и я ведь один остаюсь —
Разъезжаются... веси и страны.

До свидания, навсегда,
Поднебесные тропы Кавказа,
Над родною рекою ковыль...
Всё привычнее форма спецназа
И таможни негаданной пыль.
Это горькое слово чужие —
Как беда, как отчаянья крик...
А ведь были и мы молодыми,
И счастливыми были, старик.

До свидания, навсегда,
Голубая, как небо, вода,
Золотые пески Иссык-Куля
И ущелие “Бабы-Яги”,
Слободзейские сладкие дули
И полтавские пироги,

Наши праздники, наши застолья
От Карпат и до самых Курил.
Эх, вернулось бы время застоя —
И ему бы руля и ветрил!

До свидания, навсегда...
В старой Риге аккорды органа,
И зурна, и Алайский базар,
И пустынная прелесть Севана,
Приозёрск, Коктебель и Кап. Яр,
И саянские быстрые сани,
И Байкала живая вода,
Цинандали, Твиши, Гурджаани —
До свидания, навсегда.

До свидания, навсегда,
Приамурские чёрные срубы
И закат над обжитым плотом,
Юных женщин горячие губы,
Рек сибирских волна за бортом,
Аккерманские крупные раки
И медовые гроздья сошлы́,
И киргизские чудо-собаки,
И хорезмские чудо-ослы,
Сортавальские белые ночи,
Синь Гек-Гёля, Домбай, Теберда,
И крымчанок весёлые очи —
До свидания, навсегда.

Под луною мерцание льда —
Изумрудная Пирита-речка.
До свидания, навсегда,
Закарпатские чудо-местечки
И застывшая в небе заря
Над бескрайним сиянием моря.
Ах, как много разлук,
Но настала пора
Вспомнить мальчика личное горе.

Той обиды давно уже нет.
Хорошо быть ребёнком здоровым
Тех особенных радостных лет,
Когда в мире всё кажется новым,
Как снегов свежесвыпавших свет!

До свиданья, родной МГУ,
Шпиль и башни, колонны и залы —
Эти летние сны на вокзалах
На нелёгкой дороге к нему,
И волнующий свет у Большого,
И ночные дежурства у касс,
И уютный театр на Садовой —
Храм сатиры, печальной подчас.
Мир, что был и добрее и проще.
(Ах, как быстро проходят года!)
Подмосковные тихие рощи —
До свидания, навсегда...

г. Москва